

Копипаста: Зачем и Как — Lurkmore

Я вижу, что вы делаете. Я знаю, как вы это делаете. Но я не понимаю зачем.

© 1984

Проклятье жабы-проклятье жабы

Только лягушки в трясине богохульствовали на всю округу:

Катился бы ты, лотос,
и жизнь-жистянка вслед,
и жизнь-жистянка вслед,
и жизнь-жистянка вслед...

И вдруг ниткой черного жемчуга сверкнуло что-то в коре смоковницы и, мерцая, заструилось к земле. И встряхнулось кокетливо, и подняло голову, и принялось танцевать в лучах солнца. Тысяченог — тысяченог.

Смоковница в блаженстве сложила листья, а трава Куша от восторга зашелестела — от восторга зашелестела. Тысяченог побежал к большому камню, там у него была площадка для танцев — клочок светлого песка -светлого песка. И скользил, выделявая круги и восьмерки, да так, что все вокруг от восторга позакрывали глаза — позакрывали глаза.

И подала жаба знак, и вышел из-за камня ее старший сын, и склонился перед тысяченогом, и вручил ему послание от своей матушки. Тысяченог взял послание ногой № 37 и спросил у травы Куши, правильно ли поставлены печати.

— Мы — самая древняя трава на земле, но этого мы не знаем — законы каждый год меняются,- это знает один только Индра — один только Индра.

Тогда призвали очковую змею, и она прочитала:

— Ваше высокородие, господин тысяченог! Я всего лишь ослизлая мокрушка — самая презираемая на земле, от моей икры отворачиваются и звери, и растения. Моя кожа не блестит и не переливается. У меня только четыре ноги — только четыре ноги, а не тысяча, как у тебя,- а не тысяча, как у тебя. О достойный! Хвала тебе, хвала тебе!

— Хвала ему, хвала ему,- восторженно повторили дикие розы из Шираза персидское приветствие — персидское приветствие.

— Но мудрость и глубокие познания не обошли меня стороной. Мне ведомы травы, я знаю даже, как называется почти каждая из них. Мне ведомо, сколько звезд в ночном небе, и число листьев смоковницы этой, приросшей к земле. А моей памяти завидуют все жабы Индии. И несмотря на это, я могу счесть только те вещи, что стоят неподвижно, а если они движутся — нет, а если они движутся — нет.

Так скажи же мне, о досточтимый, как это получается, что ты при ходьбе всегда знаешь, с какой ноги надо начать, какая затем станет четвертой, пятой, шестой, десятая ступает, либо сотая, что в это время делает вторая и седьмая, должна она стоять или шагать, когда наступит черед девятьсот семнадцатой, надо ли тебе семисотую поднять, тридцать девятую опустить, тысячную согнуть, четвертую выпрямить — выпрямить четвертую. О, прошу тебя, скажи мне бедной ослизлой мокрушке, у которой только четыре ноги, а не тысяча, как у тебя,- а не тысяча, как у тебя: как это ты делаешь, о досточтимый?! С совершенным почтением. Жаба.

— Хвала, — прошептала в полусне маленькая роза. А трава Куша, цветы, жуки и смоковница выжидающе смотрели на тысяченога.

Даже лягушки угомонились — угомонились лягушки.

Но тысяченог лежал неподвижно, прикованный к земле, и уже не мог пошевелить ни одной ногой. Он забыл, какую ногу надо поднять сначала, и чем дольше вспоминал, тем меньше оставалось на это надежд — все меньше и меньше.

Жаркое солнце Индии сияет над синей пагодой — сияет над синей пагодой.